

Позиция

ВИНОГРАДОВ Михаил Юрьевич – президент фонда «Петербургская политика»
СУСЛОВА Анастасия Андреевна – руководитель учебно-научной лаборатории интернет-проектов и исследований департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49; AASuslova@fa.ru)

ВОЗМОЖНА ЛИ АПАТИЯ У РОССИЙСКИХ ЭЛИТ?

Аннотация. Статья анализирует возможность и корректность применения термина «социальная апатия» к действующим российским управленческим элитам. На сегодняшний день в экспертной среде на этот счет нет общего мнения. Доминируют две точки зрения: согласно первой, доминирующие в обществе настроения не могут не затрагивать элиты; альтернативная точка зрения – состояние апатии, предполагающее низкую ценность деятельностной активности, не может быть присуще элитам, поскольку решаемые ими управленческие, карьерные, тактические задачи и график работы не предполагают возможности снижения работоспособности, ибо это напрямую влияет на их позиции в аппаратной и межгрупповой конкуренции.

Отдельно авторы выделяют непреодоленные конфликты, повышающие риски апатии у элит, такие как особенности потребления новостей из классических и новых медиа, противоречие между поощрением апатии в обществе и необходимостью рекрутирования в элиты деятельностно ориентированных кадров, значимость демонстрации элементов «народной повестки» в текущей деятельности, слабость системы публичной оценки результатов работы по ключевым проектам последних лет, общее снижение статуса гражданских элит. Авторы также анализируют возможные последствия апатии элит.

Ключевые слова: апатия, анемия, пассивность, настроения элит, политическая повестка

*Исследование выполнено в рамках гранта по проекту
РФФИ-ЭИСИ № 21-011-31843 по теме «Феномен
социальной мобилизации как антипод социальной апатии».*

Термин «социальная апатия» давно получил распространение в отечественных социологических, политологических, публицистических текстах. Нельзя утверждать, что вокруг этого понятия и близких к нему терминов «аномия» и «абсентеизм» существует экспертный и научный консенсус.

Процедура конвертации явлений индивидуальной психологии в описание коллективных явлений на сегодняшний день разработана слабо, поскольку механизм связи индивидуальной и коллективной психологии в большей степени построен на предположениях и гипотезах, нежели на полноценных научных методиках.

Очевидны и споры вокруг самого термина «социальная апатия» – предполагает ли он отторжение только социально-политической жизни как таковой или пониженный интерес к любой деятельностной активности и низкую ценность сегодняшнего дня, настоящего времени. Однако, несмотря на указанную размытость, большинству исследователей и читателей интуитивно понятно, о чем идет речь. Востребованность этого термина даже вырастает в условиях растущей психологизации языка, апелляций к «ресурсным состояниям», «травматичности», «токсичности» поведения и сознания. Не случайно в ходе проведенного экспертного опроса большая часть респондентов согласилась с тем, что употребление понятия «социальная апатия» к состоянию современного российского общества вполне корректно и уместно.

При всем потенциале для научных споров это словосочетание, как минимум,

является удачной метафорой, обсуждение которой весьма продуктивно. Под социальной апатией в настоящее время чаще всего понимается преобладание в обществе состояния устранения индивидов и социальных групп от социальных и политических взаимодействий, сопровождаемое угнетенным психоэмоциональным фоном.

Одной из дискуссионных тем относительно апатии является вероятность погружения в нее в зависимости от территории проживания, от типа населенных пунктов, возраста, уровня жизни, социального статуса. Например, нередко звучит мысль, что в современных российских условиях «наиболее апатичной, безразличной ко всему за пределами частной жизни» выступает потенциально наиболее активная часть населения, носители модернистского сознания [Быков, Быкова, Власова 2020: 59].

Эти предположения непосредственно связаны с темой настоящей статьи – потенциалом апатии у управленческих элит в современной России. Она была выделена в отдельный вопрос во время экспертных интервью с политологами, социологами, психологами в рамках исследования «Феномен социальной мобилизации как антипод социальной апатии». Участники опроса оказались разделены на носителей двух во многом полярных позиций. Однако каждая из них заслуживает внимательного рассмотрения и описания, тем более что каждая из сторон предьявляла развернутую аргументацию и подкрепляла свою позицию примерами из актуальной практики.

Гипотеза 1. «Элиты – проводники и реципиенты социальной апатии». В соответствии с этой логикой элиты не являются отдельным слоем или «кастой», а являются полноценной частью социума, пусть подчас во многом изолированной от повестки, актуальной для рядовых граждан. Если базовой характеристикой настроения социума является апатия, то элиты не в силах быть полноценными носителями противоположного настроения и мощной эмоциональной заряженности. Члены семей, подчиненные, представители ближайшего круга общения, обслуживающий персонал, медиа и интернет-каналы коммуникации, деятели культуры и другие носители доминирующего в обществе настроения не могут не оказывать существенное влияние на их эмоциональное ощущение и оценку происходящего. А в силу информированности и прагматичности элиты менее восприимчивы к тезисам официальной пропаганды, имеют широкий доступ к альтернативным каналам коммуникации, что также воздействует на их оценку сегодняшнего дня и ближайших политико-экономических и исторических перспектив [Журавлев 2021].

Среди проявлений социальной апатии истеблишмента можно выделить следующее.

1. Скептическое отношение к социальной активности и процедурам публичной политики.

Уклонение от публичных оценок политического процесса (в т.ч. лоялистских) приобретает все более широкий характер. Это отчасти маскируется формулами: «не надо политизировать вопросы», «политик в стране один». Показателен пример интервью губернатора Липецкой обл. Игоря Артамонова, который в ответ на просьбу охарактеризовать свои политические взгляды ответил: «У меня их нет»¹.

Такая «аполитизация» элит вызревала на протяжении долгого времени. На нее влияло начавшееся еще в 1990-е гг. противопоставление «настоящей», «влиятельной» исполнительной власти депутатскому корпусу, чей статус в административно-политической системе оказался заметно ниже. Как след-

¹ Прах А. У нас ситуация в 20 раз лучше, чем в Германии. – *Коммерсант*. 2020. 9 июня.

стве, время от времени действующие чиновники искали замену слову «политик». В 1990-х гг. говорилось о «крепких хозяйственниках» как полноценных управленцах, в нулевых широкое распространение получают понятия «эффективные менеджеры», «практики». В середине 2010-х г. активно используется термин «технократы». Суть и содержание указанных понятий почти не раскрываются, все это скорее является синонимом понятия «политик», позволяя избежать употребления этого «неудобного» слова.

2. Падение мотивации к деятельности активности.

В приложении к современному периоду истории России звучит мысль, что элиты находятся в состоянии «пассивной активности». Вот несколько цитат из экспертных интервью: «элиты действуют по инерции или не ставят себе стратегических задач, не только в жестких рамках, присутствуют апатия, разочарование, меланхолия»; «если раньше можно было копить деньги, развивать бизнес, уезжать за границу, отправлять детей, формировать свое будущее на пять поколений вперед, понимая, что деньги, вывезенные в Швейцарию или вложенные в Билла Гейтса, будут работать сто лет, сейчас для многих как раз процесс выбора, не понимают, что делать. Деньги копить нельзя, потому что это становится опасным, за границей деньгами пользоваться сложно, другие страны сильно этому противодействуют. Дети перестали быть послушными и не идут туда, куда им говорят, они находят свой путь уже в четырнадцать лет и начинают быть самостоятельными».

Респонденты в ходе опроса фиксировали размывание ориентиров и целеполагания у высших слоев. Участникам системы примерно понятно, чего следует избегать, но при этом нет модели того, как правильно поступать. Это повышает шансы уклоняться от взятия на себя инициативы. Все это бывает актуально в аппаратной жизни и в более «активные» времена, но в период апатии оказывается мощным активом.

3. Снижение ценности эпохи настоящего и восприятия сегодняшнего дня как места разворачивания действий, закладывающих успех будущих эпох.

В публичных выступлениях целеполагание обычно сводится не к реализации программных установок, преобразований, реформ, модернизационных шагов, а к отчету о выполнении тех или иных спущенных сверху установок – «реализации национальных проектов», «цифровизации», «повышении обороноспособности», «реализации политики импортозамещения» и т.п.

Это позволяет уклоняться от вопросов о конечных целях собственных действий и позиционировать себя в качестве исполнителя, избегающего оценок эффективности и результативности намеченных «сверху» шагов. Заметно сокращается число публичных выступлений, ежегодных посланий, концептуальных интервью федеральных министров, глав регионов, хотя, казалось бы, это полезно для мобилизации исполнителей, получения социальной поддержки, формирования привлекательного и эмоционально благоприятного образа чиновника. В сравнении с периодом 1990-х гг. жанр политических мемуаров переживает очевидный кризис.

Гипотеза 2. «Элиты не бывают апатичны, поскольку вовлечены в ежедневную борьбу за сохранение и воспроизводство власти».

Точка зрения оппонентов первой гипотезы исходит из принципиальной невозможности существования апатии у элит, особенно политических. Согласно этой логике, ежедневная необходимость карьерного выживания и воспроизводства собственной власти побуждает элиты не только внимательно следить за происходящим и нейтрализовать оппонентов, но и выдвигать идеи, разрабатывать проекты, перехватывать инициативы, бороться за контроль над бюджетными средствами и иными ресурсами. Вопреки представлениям о

праздности элит, рабочий день представителей истеблишмента нередко предполагает сверхвысокую интенсивность, что также не оставляет пространства для апатии.

Однако даже критики теории апатии у элит нередко указывают на снижение активности истеблишмента в части формулирования и решения стратегических вопросов, долгосрочного проектирования, постановки амбициозных задач. Вместо этого происходит концентрация на решении тех или иных «полезных» вопросов. Периодические всплески мобилизации вокруг подобных больших проектов (2014 г., 2022 г.) ситуацию кардинально не меняют, поскольку не удовлетворяют притязания элит на субъектность. На них возлагается ответственность без значительной возможности влиять на процесс принятия решений и с сохранением рисков попасть под кампанию репрессий в рамках «борьбы с коррупцией», «суверенизации элит», «обеспечения лояльности управленческого слоя» и т.п.

Непреодоленные конфликты, стимулирующие апатию элит

В ходе опроса эксперты неоднократно указывали на феномен повторяемости циклов апатии у элит, предлагая ряд исторических примеров пониженной активности управленцев и даже высших государственных руководителей. Наиболее ярким из них является спад активности Леонида Брежнева с середины 1970-х гг. Как свидетельствуют многочисленные мемуаристы, факторами сокращения деятельности и интереса к происходящему становятся использование снотворных и седативных препаратов, вызывающих снижение работоспособности, замыкание в кругу общения сверстников, переориентация на отдых, досуг, признание былых заслуг, забота о собственном здоровье, снижение интереса к собственной исторической миссии. Сходное настроение в этот момент фиксируется и у других высокопоставленных должностных лиц. Их стремление создать для себя «зону комфорта» отчасти совпадало с интересами средних и низших звеньев государственного аппарата, заинтересованных в снижении контроля со стороны высших звеньев. В 1990-е гг. примеры индивидуальной апатии нередко фиксируются у Бориса Ельцина, однако в этот период они компенсируются сравнительно высокой активностью государственного аппарата, позволяющей минимизировать формирование «вакуума власти». В последнее время набирает популярность идея различных проектов возврата к «исторической справедливости», предполагающая, что современность и настоящее время являются «недостаточно правильными» вследствие отклонения от исторической традиции.

Среди препятствий для активизации и мобилизации чиновников можно назвать следующее.

1. Феномен «нюс-хантерства» — потребность постоянно подпитываться свежими новостями и интерпретациями политической и аппаратной жизни, не позволяющая сконцентрироваться ни на реконструкции событий вчерашнего дня, ни на проектировании завтрашнего [Липовецки 2001]. Показателем феномена популярности политических телеграм-каналов. При всей насыщенности их повестки все острее ощущается проблема несоответствия подчеркнуто высокой и порой даже избыточной скорости политической жизни в версии телеграм-каналов и существенно более низких темпов социальной динамики в реальной практике. Это по сути формирует «параллельную реальность», порой более привлекательную для обсуждения и осмысления, чем реальный управленческий процесс, для которого может быть характерна куда большая инертность.

2. Потребность одновременно стимулировать текущий уровень апатии в обществе, расширяющий для власти свободу маневра, и рекрутировать в

элиты деятельностных и амбициозных управленцев. Вполне естественно, что средний уровень потенциальных кандидатов не может не снижаться вслед за общим падением ценностей политической и вообще деятельностной активности в обществе в целом.

3. Необходимость сохранять видимость формирования повестки на основании «народной» повестки. Ориентация на демонстрацию открытости власти предполагает не столько вовлечение граждан в проблематику управленцев (без которого сложно добиться особой эмпатии со стороны граждан), сколько сбор различных жалоб через «прямые линии» и социальные сети. Риторика об удовлетворении общественных идеалов вызывает все большее отторжение и у чиновников, и у обывателей. По выражению З. Баумана, «личность не видит в общих интересах смысла, поскольку “они не позволяют каждому индивиду реализовывать его собственные” интересы, ограничивают свободу людей заниматься “тем, что они считают для себя необходимым”» [Бауман 2002: 61].

4. Отсутствие системы оценки результатов прошлых лет. Многочисленные инициативы по удвоению ВВП, реализации национальных проектов, модернизации экономики, внедрению инноваций, обеспечению национальной безопасности, как правило, не предполагают публичной рефлексии о том, в каком объеме они были выполнены или не выполнены. Как следствие, возникает осторожное подозрение (не обязательно реалистичное), будто «ничего не сделано», «ничего изменить невозможно», а пространство выбора сводится к двум полюсам — «отсутствие прогресса» и «деградация». Быстрая смена парадигм позволяет уходить от опасных последствий воплощаемых в жизнь мер, не дожидаясь, пока они будут обнаружены.

Возможные последствия апатии элит

Можно выделить ряд особенностей в поведении элит, которые могут привести к снижению их политической субъектности и привести к расконцентрации в управлении социальными рисками.

Сформировавшееся устойчивое неформальное представление о публичной политике как о сугубо вспомогательной или даже «имитационной» сфере снижает эффективность возможного использования ее механизмов для устранения возникающих в обществе конфликтов.

Необходимость выполнения различных *KPI* чаще требует маскировки проблем и конфликтов, нежели презентации путей их урегулирования. Как следствие, не происходит наработка коллективного опыта, выработка эффективных алгоритмов поведения в стрессовых ситуациях.

Общее поощрение социальной апатии у «низших» слоев не создает эффективные ограничители для вызревания в обществе радикальных идей — от политического экстремизма до исламского радикализма. Изолированность бытовой (профанной) повестки граждан от пространства «большой политики», позиционируемой как удел избранных, снижает в глазах рядовых обывателей ценность существующих властных институтов.

Имеется также фактор возможных противоречий между публичной риторикой, предполагающей мобилизационные проекты в военной сфере, геополитике, международных отношениях, пресечении проявлений экстремизма, и ощущением общей расконцентрированности, слабой эмоциональной вовлеченности руководителей.

Пребывание в состоянии апатии чаще всего вызывает разобщенность, снижение общей идентичности и потребности в регулярных коммуникациях. Как следствие, снижаются ощущение солидарности внутри политического класса,

готовность действовать исходя из общих («классовых») интересов, вырабатывать совместные стратегии и общие подходы, поскольку модель самоустранения от актуальных проблем, демонстрации их второстепенности все чаще воспринимается как более перспективная для сохранения и продолжения карьеры.

Возникающие в т.ч. в конце 2010-х — начале 2020-х гг. «паузы» предоставляли истеблишменту и обществу возможность для энергосбережения и поиска новых ориентиров и ценностей. В то же время это не снимало риска того, что очередной виток таких поисков, сопровождаемый выбросом не израсходованной за время апатии социальной динамики, приведет к заметному ухудшению положения и граждан, и истеблишмента.

Список литературы

Бауман З. 2002. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос. 182 с.

Быков Р.А., Быкова Е.Ю., Власова Ю.А. 2020. *Социальная апатия учителей как форма адаптации к современным социокультурным условиям*. Томск: Красное знамя. 242 с.

Журавлев Д.А. Клановая структура элит демократического общества. — *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. Т. 11, № 4. С. 43-49.

Липовецки Ж. 2001. *Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме*. СПб: Владимир Даль. 330 с.

VINOGRADOV Mikhail Yurievich, *President of the Petersburg Politics Foundation*

SUSLOVA Anastasia Andreevna, *Head of the Educational and Scientific Laboratory of Internet Projects and Research, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; AASuslova@fa.ru)*

IS THE RUSSIAN ELITE APATHY POSSIBLE?

Abstract. *The article analyzes the possibility and correctness of applying the term of social apathy to the current Russian administrative elites. To date, there is no consensus in the expert community on this subject. Two points of view dominate: according to the first one, the general mood in society cannot but affect the elites. An alternative point of view proceeds from the fact that a state of apathy, which implies a low value of activity, cannot be inherent in elites, since the managerial, career, tactical tasks and work schedule they solve do not imply the possibility of a decrease in efficiency, because this directly affects their positions.*

The authors single out unresolved conflicts that increase the risks of apathy among the elites. Among them are the peculiarities of consuming news from classical and new media; the contradiction between encouraging apathy in society and the need to recruit activity-oriented persons to the elite; the importance of demonstrating elements of the "people's agenda" in current activities; the weakness of the system for publicly evaluating the results of work on key projects in recent years; a general decline in the status of civilian elites. The authors also analyze possible consequences of the apathy of the elites.

Keywords: *apathy, anemia, passivity, elite sentiment, political agenda*